

Преодолѣніе самоочевидностей.

(Къ столѣтію рожденія О. М. Достоевскаго).

Кто знаетъ, быть можетъ жить значитъ умереть, а умереть — жить.

Эврипидъ.

Окончаніе *)

ХІІ.

Мы стоимъ предъ величайшей тайной, къ которой когда либо приходилось подходить человѣку,—предъ тайной грѣхопаденія. И, быть можетъ, читатель согласится, что всѣ внутреннія боренія и напряженія Достоевскаго имѣли только одинъ смыслъ и единое значеніе: если не постичь, то хотя бы приобщиться къ этой тайнѣ.. Ибо постичь и овладѣть ею намъ не дано, какъ и не дано овладѣть Истиной. По самой своей природѣ тайна такова, что она не можетъ быть открыта, а Истина постигается нами лишь по столько, по сколько мы не желаемъ овладѣть ею. использовать ее для «историческихъ» нуждъ, т. е. въ предѣлахъ едипственнаго извѣстнаго намъ измѣренія времени. Какъ только мы захотимъ открыть тайну или использовать Истину т. е. сдѣлать тайну явной, а Истину всеобщей и необходимой — хотя бы нами руководило самое возвышенное, самое благородное стремленіе раздѣлить свое знаніе съ ближнимъ, облагодѣтельствовать человѣческій родъ и т. п. — мы мгновенно забываемъ все, что видѣли въ «выхожденіи», въ «иступленіи», начинаемъ видѣть, «какъ всѣ» и говоримъ то, что нужно «всѣмъ». Т. е. та логика, которая дѣлаетъ чудо превращенія отдѣльныхъ «безполезныхъ» переживаній въ общепользныи «опытъ» и такимъ образомъ создаетъ необходимый для нашего существованія прочный и неизмѣнный порядокъ на землѣ, эта логика — она же и разумъ — убиваетъ Тайну и Истину. Въ послѣдній разъ, вновь собравши всѣ свои огромныя силы, писалъ на эту же тему Достоевскій въ «бр. Карамазовыхъ».

*) „Совр. Зап.“ №№ 8 и 9.

Эпиграфомъ къ «бр. Карамазовымъ» Достоевскій взялъ, какъ мы знаемъ, стихъ изъ 4-го Евангелія, но могъ бы взять и собственныя слова изъ «Записокъ изъ Подполья», уже приведенныя нами раньше. «Итакъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я его вижу, не хочу имъ быть (хотя все таки не перестаю ему завидовать). Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе. Тамъ по крайней мѣрѣ можно! Эхъ! Да вѣдь я и тутъ вру! Вру потому, что и самъ знаю, какъ дважды два четыре, что вовсе не подполье лучше, а что то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду и котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!» Да здравствуетъ подполье, къ чорту подполье: этотъ рѣзкій, рѣжущій диссонансъ проходитъ черезъ весь романъ, каждая строчка котораго тоже свидѣтельствуетъ о великой жаждѣ и неутолимой тоскѣ по «чемъ то другомъ», чего авторъ найти не можетъ. Пшеничное зерно, если не умереть, остается одно, если же умереть, принесетъ плоды. Какъ умереть? Уйти навсегда въ подполье? Это ужасно! Вырваться изъ подполья — это выше человѣческихъ силъ. Присоединиться къ нормальнымъ людямъ и самому стать нормальнымъ человѣкомъ — тотъ, кого посѣтилъ однажды ангелъ смерти, уже не способенъ. Оттого въ «бр. Карамазовыхъ» такъ много страшныхъ вопросовъ и также иногда кажется, что умышленно, сознательно-мнимые отвѣты. Въ одномъ только не «противорѣчатъ» себѣ Достоевскій: принятые, существующіе отвѣты, отвѣты здраваго смысла и науки по прежнему ему представляются абсолютно неприемлемыми. Но прежде, чѣмъ перейти къ «бр. Карамазовымъ», позволяю себѣ небольшое отступленіе, которое, быть можетъ, до нѣкоторой степени поможетъ намъ, если не ориентироваться, то хотя сколько нибудь осмотрѣться въ тѣхъ непроходимыхъ дебряхъ, въ которыя насъ завелъ Достоевскій.

Всѣ знаютъ прославленнаго нѣмецкаго историка христіанства пр. Адольфа Гарнака. Выслушаемъ и его свидѣтельство: ему пришлось, по роду его занятій, долго и вни-

мательно вглядываться въ тѣ «тайны», среди которыхъ жилъ Достоевскій. Но, въ противоположность Достоевскому, Гарнакъ обладалъ только однимъ зрѣніемъ и притомъ, какъ историкъ, былъ глубоко убѣжденъ, что только одно зрѣніе и дано человѣку, т. е. время имѣетъ только одно измѣреніе. Онъ не пропускаетъ случая напомнить своимъ читателямъ, что законъ противорѣчія — есть основной законъ нашего разума и что никто не можетъ безнаказанно пренебрегать законами разума и основанной на этихъ законахъ наукой. И вотъ этотъ же ученый историкъ пишетъ (*Dogmengeschichte* III. 81) «Въ мірѣ не было еще никогда такой крѣпкой религіозной вѣры, которая въ основномъ, рѣшающемъ моментѣ не ссылалась бы на вѣщныи авторитетъ, которая бы черпала свою прочность исключительно въ собственныхъ внутреннихъ переживаніяхъ. Слова нѣтъ, въ этихъ послѣднихъ сила, которой она обязана своимъ бытіемъ и сохраненіемъ. Но развѣ не требуются къ тому же слова, при которыхъ эта сила становится дѣйственной? Иисусъ Христосъ ссылался на авторитетъ Вѣтхаго Завѣта, первые христіане — на предсказаніе, Августинъ на церковь, даже Лютеръ ссылался на писанное слово Божіе... Жизнь и исторія показываютъ, что вѣра не можетъ быть вліятельной и плодотворной, если она не предполагаетъ внѣшняго авторитета и не имѣетъ твердаго сознанія своей власти.» Такъ говоритъ пр. Гарнакъ въ текстѣ. Въ примѣчаніи же онъ добавляетъ: *ich sehe die Tatsache, aber ich verzweifle daran, ihren letzten Grund zu finden*, т. е. видѣть фактъ — вижу, но какъ объяснить его, ума не приложу. Свидѣтельство важности необычайной — принимая во вниманіе личность свидѣтеля — и миновать его никакъ нельзя. Правда, нужно предварительно, прежде, чѣмъ имъ пользоваться, это показаніе подвергнуть нѣкоторой критической провѣркѣ. «Никогда не было вѣры». Никогда? Откуда пр. Гарнаку извѣстно, что «никогда». Исторія, которую онъ, правда, изучилъ лучше кого бы то ни было, не сохранила ему ни одного случая такой вѣры, которая бы не опиралась на внѣшній ав-

теритетъ. Но развѣ исторія сохраняетъ всѣ случаи, всѣ факты? Или хоть большинство? Развѣ вообще задача исторіи сохранять факты? Изъ безконечныхъ миллиардовъ случаевъ и фактовъ исторія извлекаетъ очень немногіе и исключительные, да и то уже «истолкованные» т. е. приспособленные для какихъ то цѣлей. А Гарнакъ увѣренно говоритъ: «никогда». Ясно, что свою увѣренность онъ почерпалъ не изъ исторіи, которая такой увѣренности дать не можетъ, и не изъ изученія «фактовъ», ибо всего что было на свѣтѣ пр. Гарнакъ изучить и даже пересмотрѣть не могъ. Ясно, что свое «никогда въ мірѣ» Гарнакъ почерпалъ изъ другого источника. Это разумъ и тѣ предпосылки науки, отъ которыхъ, по его убѣжденію, нельзя безнаказанно отрекаться, внушили ему увѣренность, что онъ вправѣ превратить свое свидѣтельское показаніе во всеобщее и необходимое сужденіе. Хорошо, если вы точно такъ уже боитесь наказанія, что не отречетесь, даже ради истины, отъ директивъ разума и науки. И, если вы такъ легковѣрны и неопытны, что въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что покорность наукѣ и разуму освободитъ васъ отъ «наказанія». Но Достоевскій, какъ мы помнимъ, не такъ пугался наказанія: иной разъ, говорилъ онъ намъ, человѣкъ любитъ страданіе больше, чѣмъ благоденствіе. И отъ Достоевскаго же мы слышали, что самая благонамѣренная покорность отъ наказанія не освобождаетъ, да и Спиноза «учить», что *experientia in dies reclamât, at infinitis exemplis ostendit, commoda atque incommoda piis aequè ac impiis promiscue evenire*.

Послушные и непослушные, благочестивые и нечестивые люди — одни раньше, другіе позже—понесутъ кару: на последнемъ, страшномъ судѣ нѣтъ оправдательныхъ приговоровъ, «наказанія» не избѣжитъ никто. Такъ что Гарнакъ переступилъ за предѣлы своихъ свидѣтельскихъ полномочій и сверхъ показанія о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, рассказалъ намъ еще свою теорію о правахъ разума. Еще, быть можетъ, умѣстно спросить о законности выраженія «даже Лютеръ». Христось, первые христіане, Августинъ и «даже Лютеръ». Полагаю, что «даже» лучше бы опустить.

Но послѣ сдѣланныхъ ограниченій свидѣтельство историка Гарнака должно быть полностью принято. Только тогда оно получитъ нѣсколько иной смыслъ. Не то, что «никогда въ мірѣ не было такой вѣры» — о томъ, что было и чего не было въ мірѣ, ученый историкъ знаетъ такъ-же мало, а можетъ и меньше, чѣмъ неученый странникъ. Изъ того, что было въ мірѣ, историкъ знаетъ только то, что попало въ рѣку времени, т. е. то что оставило въ мірѣ видимыя для всѣхъ слѣды. Видимыя для всѣхъ, — конечно въ томъ смыслѣ, что, если кто либо откроетъ эти слѣды, то и всѣ ихъ увидятъ. А что слѣдовъ не оставило, о томъ историкъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ и еще меньше хочетъ знать о томъ, что хотъ и было, но не можетъ быть всѣмъ показано. Стало быть, если въ мірѣ была когда нибудь вѣра, которая не опиралась на внѣшній авторитетъ и вообще обходилась безъ всякаго авторитета и если эта вѣра не оставила послѣ себя слѣдовъ, то для историка она какъ бы и не была. Историкъ ищетъ и находитъ только «дѣйствительныя» явленія. Такъ что Гарнакъ, если бы онъ хотѣлъ ограничиться ролью свидѣтеля и говорить только отъ своего имени (ибо, вѣдь, сужденія разума и безъ него всѣмъ извѣстны), онъ долженъ былъ бы сказать, что никогда въ мірѣ не было не крѣпкой, а дѣйственной вѣры, которая не опиралась на внѣшній авторитетъ, подобно тому, какъ никогда въ мірѣ не было вліятельнаго ученаго изслѣдователя (историка, ботаника, геолога — все равно), который бы только сообщалъ «факты» и не пользовался бы авторитетомъ разума. Даже Христу, для того чтобъ Его услышали люди, нужно было сослаться на Св. Писаніе, тѣмъ болѣе первымъ христіанамъ или Лютеру. Если бы Гарнакъ такъ далъ свои показанія, можетъ быть констатированный имъ «фактъ» пріобрѣлъ бы тогда иное значеніе. Совершенно неожиданно выяснилось бы, что «вѣры» Христа и даже Лютера люди никогда не могли «принять» и не приняли, что «вѣру» проповѣдывать и нельзя, что вѣра не можетъ быть «дѣйственной» т. е. опредѣлять собою движеніе историче-

скихъ событій; что то, что люди т. е. всѣмство называютъ «крѣпкой вѣрой» совсѣмъ не то, что было у Христа и даже у Лютера, а есть только совокупность правилъ и принциповъ, которыми всѣ повинуются и всѣ поклоняются лишь потому, что никто не знаетъ, откуда они пришли, что людямъ «вѣра» и не нужна вовсе, а нуженъ только авторитетъ, незыблемый порядокъ тѣмъ болѣе прочный, тѣмъ меньше извѣстно, откуда онъ пришелъ. Такъ же точно люди вѣрятъ и въ разумъ, и въ науку и даже въ то, что наказаніе грозитъ лишь тѣмъ, кто разумомъ и наукой пренебрегаетъ, а тѣмъ, кто не пренебрегаетъ, не грозитъ.

XIII.

Достоевскій не былъ историкомъ, не обязанъ былъ думать, что все, что на нашихъ глазахъ начинается, на нашихъ глазахъ и кончается. Мы помнимъ, что конца для того, что онъ считалъ самымъ важнымъ, для своего *to timiotaton*, для своего «каприза», онъ искалъ во второмъ измѣреніи времени, т. е. внѣ исторіи. Тамъ, надѣялся онъ, стѣна перестанетъ быть стѣной, дважды два четыре потеряетъ свою наглую самоувѣренность, атомы лишатся охраны, Сократъ и Дж. Бруно изъ лишенныхъ правъ обратятся въ главный предметъ заботы и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Достоевскій, какъ и мы всѣ, былъ сыномъ земли, стало быть и ему хотѣлось, порой нужно было, не только «созерцать», но и «дѣйствовать». Мы отмѣчали это «противорѣчіе» и во всѣхъ его предыдущихъ писаніяхъ. Съ особенной силой оно сказалось въ «бр. Карамазовыхъ» и «Дневникѣ писателя».

Въ «бр. Карамазовыхъ» Достоевскій по прежнему продолжаетъ свой «опытъ» — не тотъ «общій» опытъ, о которомъ говоритъ Кантъ, опытъ, держащійся на самоочевидностяхъ, а свой особенный, личный опытъ, который имѣетъ задачей своей преодолѣть самоочевидности. Но въ этомъ

же романѣ, какъ и въ публицистическихъ статьяхъ, появившихся въ «дневникѣ писателя», словно выполняя программу пр. Гарнака, неудержимо стремится заручиться поддержкой авторитета. Знаетъ, что его «вѣра» не будетъ «дѣйственной», пройдетъ мимо исторіи, если не найдется внѣшній авторитетъ, достаточно прочный, чтобъ казаться людямъ пезыблемымъ.

Кто «герой» «бр. Карамазовыхъ»? Если считаться съ предисловіемъ — младшій Карамазовъ, Алеша. И еще старецъ Зосима. Но, въ такомъ случаѣ, отчего страницы, посвященныя Алешѣ и старцу — самыя слабыя, самыя блѣдныя страницы? Только разъ на протяженіи всего романа вдохновился Достоевскій, говоря объ Алешѣ, и довѣрилъ ему одно изъ тѣхъ своихъ видѣній, которыя открывались ему въ минуты высшаго подъема. «Онъ (Алеша) вдругъ повернувшись, вышелъ изъ кельи (почившаго старца Зосимы). Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная вострогомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣтлая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты въ клумбахъ заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкопленный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, падая и обливая своими слезами и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ вострогѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны, и не стыдился изступленія сего. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, соприка-

саясь мірамъ инымъ». Правда, во всемъ, что писалъ Достоевскій, вы не найдете больше ни одного такого мѣста. Правда, что на эту же тему, хотя далеко не такъ просто, сильно и вдохновенно, говорить однажды въ своихъ сочиненіяхъ и старецъ Зосима — но это все, что рѣшился отдать Достоевскій своимъ казовымъ героямъ. И только одинъ разъ, повторю, онъ самъ такъ говорилъ, словно чувствуя, что много о такомъ и говорить нельзя. Или, можетъ быть, потому, что увидѣть такое можно лишь изъ бездонной пропасти и подполья и только на фонѣ и одновременно съ тѣми «истинами», которые раньше открылъ намъ подпольный чловѣкъ? Похоже, что оба предположенія должны быть допущены. «Соприкасаніе мірамъ инымъ» и есть, надо полагать, та «вѣра», возможность которой не допускаетъ пр. Гарнакъ — вѣра, никогда никакого виѣшняго авторитета не принимавшая, не попавшая въ исторію, не оставившая никакихъ слѣдовъ. «Вѣра», пренебрегшая дѣлами, ничего не давшая чловѣчеству и потому объявленная наукой «не существующей». Она для Достоевскаго и была тѣмъ *to timiotaton*, тѣмъ вѣчнымъ капризомъ, для котораго онъ требовалъ и искалъ правъ, гарантій, которую онъ съ такимъ неслыханнымъ дерзновеніемъ пытается вырвать изъ власти не только «авторитета», но и самой исторіи съ ея самоочевидностями. Въ этомъ смыслѣ «бр. Карамазовы» — какъ я уже говорилъ — продолженіе «записокъ изъ подполья». И въ самомъ дѣлѣ такія главы, какъ «бунтъ», «тлетворный духъ», «братья знакомятся», легенда о великомъ инквизиторѣ — цѣликомъ могли бы быть помѣщены въ «запискахъ». Пьяный, безпутный, да еще къ тому невѣжественный Дмитрій Карамазовъ произноситъ рѣчи, которыхъ бы не постыдился Платонъ или Плотинъ. Онъ цитируетъ Шиллера. И когда доходить до стиховъ:

И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ,
Въ униженіи глубокомъ
Чловѣка всюду зреть, —

изъ его груди вырываются рыданія. «Другъ мой, говоритъ онъ брату, въ униженіи, въ униженіи и теперь. Страшно много на землѣ человѣку терпѣть, страшно много ему бѣдъ... Я, братъ, почти только объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ.» И черезъ нѣсколько минутъ тотъ же невѣжественный офицеръ продолжаетъ: «красота это страшная и ужасная вещь. Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ.» Много думалъ! Развѣ необразованный человѣкъ можегь «думать»? И развѣ то, что дѣлаетъ Митя, вправѣ называться «мышленіемъ»? Возмущеніе, негодованіе, погоня за противорѣчіями, неопредѣлимымъ — это вѣдь все, что угодно, только не «мышленіе». Мы помнимъ, что по «ученію» Спинозы, отца новой философіи, мы должны вытравить изъ себя всякое представленіе о *Bonum et Malum, Pulchritudo et Deformatio*, если не хотимъ «мыслить». Тотъ же Спиноза «училъ»: *non ridere, non lugere, neque detestare, sed intelligere*. И, если люди чему нибудь «выучились» отъ Спинозы — то именно этой готовности, ради чистаго мышленія, ради «пониманія» забыть и о красотѣ, и о добрѣ, самимъ превратиться въ «сознаніе вообще», которое не смѣется, не плачетъ, не проклинаетъ, и только взвѣшиваетъ, измѣряетъ, считаетъ, какъ и математика, по образу и подобию которой сотворено «сознаніе вообще». Я уже не говорю о томъ, что такія выраженія, какъ «берега сходятся», «всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ» должны казаться бредомъ или бессмысленнымъ соединеніемъ случайно сбитыхъ въ одну фразу словъ. *Was einen vollkommenen Widerspruch enthält, kann nicht richtig sein und Jederman ist berechtigt, den Widerspruch schonungslos als solchen zu bezeichnen*, повторилъ бы пр. Гарнакъ, если бы ему довелось прочесть у Достоевскаго то, что онъ говорилъ объ Аванасіи Великомъ (Д. 9. II. 225). И съ такимъ же негодованіемъ принялъ бы онъ и «неопредѣлимое», которымъ упивается невѣжествен-

ный Митя. Вѣдь все это попытки свалить *bebaiotate ton archon*, тотъ могущественнѣйшій законъ противорѣчія, который со времени Аристотеля считался основой самой возможности мышления. Но Достоевскаго это не останавливаетъ и не пугаетъ. Онъ помнитъ, что *indocitiam gariunt coelum*, онъ помнитъ, что «дважды два четыре» есть начало смерти, пришедшее къ человѣку отъ дерева познанія добра и зла. Можно освободиться отъ проклятія познанія? Можно ли человѣку перестать «судить», осуждать, можно ли стыдиться наготы своей, не стыдиться ни себя, ни того, что его окружаетъ, какъ не стыдились наши праотцы, прежде, чѣмъ змій не убѣдилъ ихъ вкусить отъ плодовъ запретнаго дерева? Объ этомъ идетъ великій, послѣдній споръ въ «легендѣ о великомъ инквизиторѣ» между девяностолѣтнимъ кардиналомъ, воплотившимъ въ себѣ все человѣческое «знаніе», и самимъ Богомъ. Долго, девяностолѣтъ молчалъ старикъ — наконецъ, не вытерпѣлъ, заговорилъ. Кардиналъ говоритъ Богу: что предложилъ ты людямъ, что можешь ты имъ предложить? Свободу? Люди не могутъ принять свободу. Людямъ нужны законы, опредѣленный, разъ навсегда установленный порядокъ, чтобъ различать, что истина, что ложь, что можно, что нельзя. «Имѣешь-ли Ты право возвѣстить хоть одну изъ тайнъ того міра, изъ котораго Ты пришелъ», спрашиваетъ кардиналъ у Бога и самъ отвѣчаетъ за него — Богъ все время безмолвствуетъ, Богъ вѣдь всегда безмолвствуетъ: «нѣтъ, не имѣешь.» Ты передалъ дѣло намъ. Ты обѣщаль, Ты утвердилъ словомъ, Ты далъ намъ право связывать и развязывать и уже, конечно, не можешь думать отнять это право отъ насъ.» Кардиналъ имѣетъ, конечно, въ виду *Math. 26, 19: Et tibi dabo claves regni coelorum. Et quo deumque ligaveris super terram, erit ligatum et in coelis et quodcunque solveris super terram erit solutum in coelis.* На этомъ формально держится притязаніе католической церкви на *potestas clavium* и вытекающая изъ «власти ключей» идея о непогрѣшимости церкви. Какъ извѣстно, многіе изъ современныхъ изслѣдователей христіанства — къ

нимъ, если не ошибаюсь, относится и пр. Гарнакъ, считаютъ приведенный стихъ позднѣйшей интерполяціей. Но, если бы это было и правильно, если бы Церковь не могла основать свои притязанія на текстъ Св. Писанія, это бы нисколько не ослабило ея правъ. Иными словами: идея непогрѣшимости вовсе не нуждается въ небесной санкціи и легко безъ нея обходится. Развѣ Гарнакъ, утверждая, что никто не можетъ безнаказанно пренебрегать наукой и разумомъ, имѣлъ въ виду Библию? Уже въ древности Сократъ, а за Сократомъ Платонъ, «обосновали» ту мысль, что люди на землѣ превосходно знаютъ, какъ нужно «связывать и развязывать» т. е. судить и что на небѣ судять такъ же, какъ и на землѣ. Ну, а сейчасъ въ этомъ никто и не сомнѣвается: наши теоріи познанія дѣлаютъ совершенно излишними ссылки на откровеніе. Наиболѣе замѣчательный изъ современныхъ философовъ Эдм. Гуссерль такъ формулируетъ эту мысль: «быть можетъ, во всей жизни новѣйшаго времени нѣтъ идеи, которая была бы могущественнѣе, неудержимѣе, побѣдоноснѣе идеи науки. Ея побѣдоноснаго шествія никто не остановитъ. Она на самомъ дѣлѣ оказывается совершенно всеохватывающей по своимъ правомѣрнымъ дѣлямъ. Если мыслить ее въ идеальной законченности, то она будетъ самымъ разумомъ, который на ряду съ собой и выше себя не можетъ имѣть ни одного авторитета.» Въ томъ, что философы называли и называютъ «разумомъ», разумомъ, который не можетъ на ряду съ собой терпѣть никакого авторитета, и который требуетъ себѣ, поэтому, всеобщаго поклоненія, и заключается идея «непогрѣшимости» Церкви и «власти ключей». Достоевскій это видитъ съ той особой, поражающей зоркостью, которую онъ проявляетъ каждый разъ, когда Аполлонъ требуетъ его къ священной жертвѣ и принуждаетъ его открыть вѣщія зѣнницы «второго» зрѣнія. «Нѣтъ заботы, говорить кардиналь, непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе то, предъ чѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться

предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоятъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобъ и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ и чтобъ неперемѣнно всѣ вмѣстѣ. Вотъ эта потребность въ общности преклоненія есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично и, какъ цѣлаго, всего человѣчества съ начала вѣковъ.» Нѣтъ возможности продолжать дальнѣйшія выписки: пришлось бы всю «легенду» переписать. Но я не могу не обратить еще разъ вниманіе читателя на то, съ какой необычайной прозорливостью, граничащей съ ясновиднѣйшими, поставленъ Достоевскимъ труднѣйшій философскій вопросъ. Не только въ обычныхъ учебникахъ, но и въ лучшихъ философскихъ трактатахъ, вы не встрѣтите такой глубины прозрѣнія. Теорія познанія, этика, онтологія — вся философія конструируется совсѣмъ по иному для того, кто приметъ «посвященіе» отъ Достоевскаго, кто вслѣдъ за нимъ захочетъ приобщиться къ великой тайнѣ библейскаго сказанія о первомъ грѣхопадѣніи, съ котораго и начались изображаемыя кардиналомъ «мучительныя заботы». Я думаю — только тотъ научится понимать и «враговъ» Достоевскаго — отца и родоначальника новой философіи Спинозу, зарывшаго отъ всѣхъ свои вѣчныя сомнѣнія подъ математическій методъ доказательствъ, да и Эдмунда Гуссерля, безпечнаго и торжествующаго. Вѣдь Спиноза — это тотъ же кардиналъ, уже въ тридцать пять лѣтъ постигшій ту страшную тайну, о которой у Достоевскаго шепчется въ подземельѣ девяностолѣтній старецъ съ безмолвствующимъ Богомъ. Какъ безумно жаждалъ Спиноза свободы и съ какой желѣзной неумолимостью возвѣщалъ онъ о единственномъ и для людей и для Бога законѣ необходимости. И вѣдь не онъ одинъ: почти всѣ наиболѣе мучительно искавшіе и жаждавшіе свободы люди, вѣрующіе и невѣрующіе, съ какимъ то неслыханно-мрачнымъ вдохновеніемъ возславляли: «необходимость». Лучшее сочиненіе

Лютера — «De servo arbitrio», направленное противъ Эразма Роттердамскаго, всячески старавшагося отстоять хоть малую долю свободы для человѣка. Платонъ изображалъ нашу жизнь, какъ представленіе марионетокъ или актеровъ, почти автоматически исполняющихъ заранѣе приготовленныя для нихъ роли. Маркъ Аврелій говорилъ о томъ же. Гоголь, мы помнимъ, чувствовалъ себя на землѣ, какъ въ замороженномъ царствѣ, Платонъ, какъ въ подземельѣ. Въ такомъ же родѣ изображали нашу жизнь и древніе трагики: Софокль, Эсхилъ и Эврипидъ и величайшій изъ новыхъ поэтовъ, Шекспиръ. Люди не то, что не свободные, люди больше всего въ мірѣ боятся свободы, оттого они и ищутъ «познанія», оттого имъ нуженъ «непогрѣшимый», бесспорный авторитетъ, т. е. такой, передъ которымъ бы они могли всё вмѣстѣ преклониться. Свобода и есть, вѣдь, тотъ «капризъ», о которомъ намъ рассказывалъ подпольный человѣкъ, но даже капризъ, здѣсь на землѣ, хочеть, мы помнимъ, себѣ «гарантій», не подозревая, что величайшая его прерогатива — это возможность обойтись безъ гарантій. Люди создаютъ то, что называется у нихъ «истиной», т. е. иллюзію чего то что «имѣетъ власть» и на землѣ и на небесахъ. «Взгляни на то, что сдѣлалъ ты далѣе, продолжаетъ утѣкать старикъ Бога, и все опять во имя свободы! Говорю тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать скорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но.. вмѣсто того, чтобъ овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ ее еще больше! Вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти челоуѣчества разъ навсегда, ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей...» Иначе говоря: до сихъ поръ философія, т. е. научная или наукообразная философія считала и считаетъ себя обязанной «оправдываться» передъ «всѣмствомъ» или, если вамъ больше нравится школьный терминъ, предъ «сознаніемъ вообще» *Bewusstsein überhaupt*. Она ищетъ «твердыхъ основъ», безспорнаго, окончательнаго, почвы и боль-

ше всего страшится свободы, каприза, т. е. всего того, что есть въ жизни необычайнаго, гадательнаго, неопредѣленнаго, не подозрѣвая, очевидно, что именно это необычайное, гадательное, неопредѣленное, ненуждающееся въ гарантіяхъ и защитѣ, есть единственный и истинный предметъ ея изученія, то *to timiotaton*, о которомъ говорилъ и къ которому стремился Платонъ, та «дѣйствительность», которую изъ своей пещеры разглядѣлъ Платонъ, тотъ Богъ, котораго скрылъ подъ «математическимъ методомъ» Спиноза и который вдохновлялъ гадкаго утенка, подпольнаго человѣка Достоевскаго, когда онъ показывалъ кукишъ и выставялъ свой отвратительный языкъ сооруженнымъ людьми хрустальнымъ дворцамъ. Великіе древніе мудрецы оставили намъ завѣтъ: про Бога нельзя сказать, что онъ существуетъ. Ибо сказавшій: «Богъ существуетъ» — терять Бога.

XIV.

Нужно кончать — не потому, что тема исчерпана, а потому что статья разрослась. Достоевскій — тема неисчерпаемая. Мало кто умѣлъ такъ беззавѣтно отдавать свою душу послѣднимъ тайнамъ человѣческаго бытія. Но нельзя кончить, не сказавши хоть нѣсколько словъ о публицистической дѣятельности Достоевскаго, развернувшейся на страницахъ «Дневника писателя».

Мы помнимъ, что свой фантастическій рассказъ «Сонъ смѣшнаго человѣка» Достоевскій заключилъ призывомъ къ проповѣди. Ему вдругъ показалось, что онъ призванъ не только созерцать, но и дѣйствовать, что дѣйствие есть единственное достойное завершеніе созерцанія. Забылъ онъ то «ужасное», о которомъ онъ самъ намъ разсказалъ — что однажды онъ уже пытался «проповѣдывать», и своей проповѣдью «развернулъ» людей, которые до него были такъ невинны, что даже не знали, что такое «стыдъ». Забылъ онъ и библейскую угрозу, что съѣвши отъ плода дерева по-

знанія добра и зла — «смертью умереть». Т.е., пожалуй, не забылъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Даже если хотите слишкомъ хорошо помнить и эту «истину» и другія истины, открывшіяся его второму зрѣнію. Забылъ онъ только объ одномъ, что эти истины «безполезны», по самому существу своему и что всякая попытка сдѣлать ихъ полезными, годными всегда и для всѣхъ, т. е. всеобщими и необходимыми, превращаетъ ихъ изъ истины въ ложь. «Тамъ» онъ увидѣлъ абсолютную свободу, о которой говорить у него великій инквизиторъ. Но что дѣлать со свободою среди людей, которые ея боятся больше всего на свѣтѣ, которымъ нужно только «преклониться» передъ чѣмъ нибудь, для которыхъ твердый, непоколебимый авторитетъ дороже всего, даже дороже самой жизни. Кто хочетъ съ успѣхомъ проповѣдывать, тотъ долженъ подмѣнить свободу авторитетомъ, какъ, по словамъ Достоевскаго, это сдѣлало католичество, какъ по словамъ Гарнака это сдѣлалъ даже Лютеръ. «Дневникъ писателя» въ общемъ не есть даже дневникъ Достоевскаго т. е. не отражаетъ или очень мало отражаетъ (все таки, въ «дневникѣ» напечатаны и «Кроткая» и «Сонъ смѣшного человѣка» и т. д.) внутреннія переживанія Достоевскаго. Это рядъ публицистическихъ статей, въ которыхъ одинъ человѣкъ поучаетъ другихъ, какъ имъ жить и что имъ дѣлать. Какъ мы раньше упоминали, Достоевскій уже и въ романахъ своихъ дѣлалъ попытки учить людей. Учительство мы обнаружили и въ «Преступленіи и наказаніи», и въ «Идіотѣ» и въ «Бѣсахъ». Въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», учительство особенно сильно выдвигается. Тамъ сдѣлана попытка нарисовать въ лицѣ старца Зосимы идеальный образъ учителя. Но достаточно сравнить безжизненные, деревянные поученія Зосимы съ вдохновенными рѣчами Ивана или Дмитрія Карамазовыхъ, чтобъ понять, что истины Достоевскаго такъ же боятся общеобязательности и такъ же не выносятъ ея, какъ обыкновенные люди — свободу. Устами Зосимы говорить тотъ же авторъ, что и устами его подпольныхъ геро-

евъ и иной разъ говорить то-же, что и они говорятъ, но мы слышимъ только голосъ всѣмства. Получается приблизительно то-же, что случилось у Достоевскаго съ отцомъ Ѳерапонтомъ. Когда Достоевскій задался цѣлью изобразить такого мольчальника, который бы пришелся по вкусу всѣмству, у него вышла почти комическая фигура. Когда же онъ писалъ своего Кириллова, котораго пришлось даже осудить на самоубійство, создалась грандіозная и потрясающая фигура великаго мольчаника. Достоевскій захотѣлъ, чтобы рѣчи Зосимы были понятны всѣмъ, вплоть до Клода Бернара. И всѣмъ онѣ точно понравились, на нихъ читатель — тѣ читатели, которые знаютъ, что такое жизнь и что такое смерть — отдыхали. Читая эти пространныя наставленія, дивисься, какъ хватало терпѣнія у Достоевскаго писать ихъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того душевнаго напряженія, того «невѣсомаго», которымъ умѣлъ потрясать души Достоевскій и которое дало Паскалю загадочное право противопоставить слабый мыслящій тростникъ всему огромному міру. Поразительно, что у Достоевскаго даже Смердяковъ названъ (не побоялся Достоевскій!), правда одинъ только разъ, «созерцателемъ», Зосима же, какъ и его ученикъ Алеша, уже «дѣятели», т. е. тѣ представители всѣмства, для которыхъ нѣтъ ничего выше достовѣрности и самоочевидныхъ истинъ, которые для всего, даже для «каприза» прежде всего требуютъ гарантій. Публицистика Достоевскаго — въ общемъ рѣчи и дѣла Зосимы и Ѳерапонта. Зосима давалъ совѣты, лѣчилъ людей, подавалъ милостыню, утѣшалъ. Ѳерапонтъ зналъ чертей. Достоевскому, чтобъ «дѣйствовать», пришлось подчинить свое второе зрѣніе обычному человѣческому зрѣнію, гармонирующему и со всѣми остальными человѣческими чувствами и съ нашимъ разумомъ. Онъ захотѣлъ научить людей, какъ имъ нужно жить или, употребляя его выраженіе, «устроиться съ Богомъ». Но съ Богомъ «устроиться» еще менѣе возможно, чѣмъ «устроиться» безъ Бога. Самъ Достоевскій рассказалъ это намъ въ «Ве-

ликомъ инквизиторѣ». Откровенія не за тѣмъ даются людямъ, чтобъ облегчать ихъ жизнь, чтобъ превращать «камни въ хлѣбъ». И не за тѣмъ, чтобъ направлять «исторію». Исторія знаетъ только одно направленіе, отъ прошлаго, черезъ настоящее, къ будущему — «откровенія» — не предполагаютъ второе измѣреніе времени. Кто хочетъ себѣ «историческаго» вліянія — тотъ долженъ отказаться отъ свободы и покориться необходимости. Поэтому то умный духъ, великій искушитель говорилъ Христу: если хочешь получить «все», овладѣть міромъ, поклонись мнѣ. Тотъ, кто не поклонится «дважды два четыре», тотъ никогда не будетъ господиномъ міра. Повторяю: все это не мои слова, все это видѣлъ и говорилъ Достоевскій пока онъ находился наединѣ съ собой. Но стоило ему выйти на люди — и онъ становился «какъ всѣ». Собственный «опытъ», т. е. видѣнное своими глазами становился для него бременемъ. Людямъ нуженъ «опытъ», о которомъ говоритъ Кантъ, о которомъ говоритъ научная философія, опытъ, который превращаетъ камни въ хлѣбъ, въ то, что можетъ «насытить» всѣхъ и всегда, который превращаетъ «капризъ», отдѣльное живое существованіе въ общій принципъ, который ставитъ «законъ» надъ жизнью, который въ законахъ видитъ сущность жизни и «наглость» какъ «дважды два четыре», такъ и другихъ «самоочевидностей» считаетъ доказательствомъ ихъ божественнаго происхожденія.

Результаты получаются неслыханные. Зажатые въ тиски всѣмства «изступленія» Достоевскаго становятся «прислужниками» обыденности. Иногда Достоевскій просто прикладываетъ печать «потусторонности» къ ходячимъ мнѣніямъ. Онъ предсказываетъ, ободряетъ, подаетъ надежды, увѣщаетъ, временами, какъ отецъ Ѳерапонтъ, изгоняетъ чертей. Ни одно изъ его предсказаній не осуществилось. Онъ предсказывалъ, что Константинополь будетъ «нашимъ», предсказывалъ, что у насъ не будетъ борьбы классовъ, что Западъ утонетъ въ крови, погибая будетъ взывать о помощи къ Россіи и т. д. «Безъ Бога нельзя

устроиться», но съ Богомъ, выходило у него, устроиться можно. Мы видимъ теперь, какъ жестоко заблуждался Достоевскій — Россія тонетъ въ крови, въ Россіи происходятъ такіе ужасы, какихъ никогда въ мірѣ не бывало. И, какъ это ни странно, — быть можетъ именно потому происходятъ, что люди, въ теченіи столѣтій не рѣшавшіе судьбы Россіи, хотѣли «устраиваться» съ Богомъ, иначе говоря, устраиваясь, руководиться тѣми «истинами», которыя открывались Достоевскому его вторымъ зрѣніемъ, но которыя отъ нихъ самихъ были скрыты. И вѣдь Достоевскій это понималъ: вѣдь самъ онъ въ «великомъ инквизиторѣ» такъ вдохновенно разсказалъ намъ, что люди оттого и ушли отъ Бога, что онъ не захотѣлъ озаботиться ихъ земнымъ устройствомъ, не захотѣлъ «гарантировать» капризъ. И все таки продолжаетъ проповѣдывать — превращать потустороннія истины въ общеобязательныя сужденія. Соприкоснувшись съ «иными мірами», онъ позналъ послѣднюю свободу, но вернувшись къ людямъ онъ повторяетъ, вслѣдъ за славянофилами, что Россія самая свободная страна въ мірѣ и требуетъ, какъ власть имѣющая, чтобы всѣ за нее вѣрили, что Россія самая свободная страна. Онъ помнитъ, что ему открылось въ его «опытѣ», что «иной разъ человѣкъ любитъ больше страданіе, чѣмъ благоденствіе», «разрушеніе, чѣмъ созиданіе», что «здѣсь все начинается и ничего не кончается», что Богъ требуетъ невозможнаго, что «дважды два — четыре» — начало смерти, и т. д. и изъ всѣхъ этихъ мгновенныхъ, загадочныхъ, неопредѣленныхъ, капризныхъ, недоказуемыхъ и недостоверныхъ истинъ онъ хочетъ выработать политическую программу, т. е. правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ практическихъ дѣлахъ. Не трудно себя представить, что изъ этого получается. Изъ жажды и тоски по вѣчной свободѣ получается слафянофильское прекраснородное утвержденіе, что Россія самая свободная въ мірѣ страна, утвержденіе, которое Достоевскій, научившійся не бояться закона противорѣчія, провозглашаетъ предъ лицомъ того деспотизма, который и привелъ Россію къ гибели. «Иной разъ человѣкъ лю-

бить больше страданіе, чѣмъ благоденствіе» — для нужды «дѣланія» превращается въ такъ похожее на него и ничего общаго съ нимъ не имѣющее утвержденіе: «русскій народъ любить страданія». И безъ Достоевскаго эту «истину» слишкомъ хорошо знали тѣ, которые правили Россіей и которые, подбавляя страданія русскому народу, довели страну до того, чему мы являемся сейчасъ свидѣтелями. Много и долго можно было бы говорить на эту тему, но, думаю, сейчасъ лучше объ этомъ помолчать: ибо всѣ, кому близки судьбы Россіи, слишкомъ хорошо понимаютъ, что правящіе страной не могутъ «безнаказанно пренебрегать здравымъ смысломъ и наукой». Бога доказывать, искать Его въ «исторіи» нельзя. Богъ — воплощенный «капризъ», отвергающій всѣ гарантіи. Онъ виѣ исторіи, какъ и все то, что люди считали своимъ *to timiotaton*.

Въ этомъ смыслѣ всѣхъ твореній Достоевскаго, въ этомъ смыслѣ загадочныхъ словъ Эврипида, приведенныхъ мною въ началѣ: *tis d'oiden, ei to zen men esti kattthanein, to katthanein de zen*.

Л. Шестовъ.

Clamart (Seine).

Сентябрь 1921 г.

П о п р а в к а. При версткѣ 9 й книги „Совр. Записокъ“ были опущены въ статьѣ Л. Шестова слѣдующія строки, которыми заканчивается глава XI:

Второй разъ, не во снѣ, а уже наяву съ Достоевскимъ случилось то «ужасное», о чемъ онъ намъ только что разсказалъ. Онъ предалъ открывшуюся ему вѣчную Истину ея злѣйшему врагу. Во снѣ онъ «развратилъ», по его словамъ, безгрѣшныхъ обитателей рая. Теперь онъ спѣшитъ къ людямъ, чтобы наяву повторить то преступленіе, которому онъ такъ ужаснулся!